

Худоеров Муниршо Мулломамадович

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ
ТАДЖИКИСТАНЕ**

Автор анализирует проблему сохранения и развития памирских языков, которые до сих пор остаются бесписьменными и лишены общественной функции. Пишет об их роли в процессе этнической мобилизации населения Горно-Бадахшанской автономной области на рубеже 1980-1990-х гг., разбирает нормативные документы Таджикистана о языках, рассматривает планы возрождения памирских языков и политические условия, которые определяют пути решения обозначенной проблемы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/50.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 191-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 07.00.07

Автор анализирует проблему сохранения и развития памирских языков, которые до сих пор остаются бесписьменными и лишены общественной функции. Пишет об их роли в процессе этнической мобилизации населения Горно-Бадахшанской автономной области на рубеже 1980-1990-х гг., разбирает нормативные документы Таджикистана о языках, рассматривает планы возрождения памирских языков и политические условия, которые определяют пути решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова и фразы: этническое возрождение; национальное движение; языковая политика; памирские языки; Памир; Таджикистан; двуязычие; многоязычие.

Муниршо Мулломамадович Худоеров

Центр азиатских и тихоокеанских исследований

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Российская академия наук

chashma@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ[©]

Распад Советского Союза в 1991 г. считается одним из значительных событий прошлого века. Политические процессы во всём СССР имели во многом общую природу и общие особенности, в частности, на повестку дня выдвинулись проблемы национального самоопределения, появились и активизировались многочисленные националистические движения, которые требовали пересмотра статусов отдельных этнических групп, их языка и, в итоге, возник «парад суверенитетов», который так или иначе охватил все союзные республики, автономные республики и области. При всём сходстве и единой основе такого рода кризисов и потрясений в каждой отдельной республике или в каждом регионе они имели свою специфику, развивались по своей особой логике под воздействием множества местных причин и факторов.

Происходящие перемены затронули и памирские народы, населяющие Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикистана, который пережил собственный процесс формирования национального движения на рубеже 1980-1990-х годов. Этот случай имеет множество специфических черт. Во-первых, население ГБАО включает в себя множество небольших этнических сообществ, говорящих в быту на своих особых языках и имеющих некоторые культурные особенности: бартангцев, ваханцев, ишкашимцев, рушанцев, шугнанцев и др. Во-вторых, большинство этих групп исповедуют исмаилизм – одно из шиитских течений ислама, что существенно отличает их от остального населения Таджикистана, хотя и исповедующего ислам, но относящегося к другой его ветви – суннизму, с большими различиями в ритуальной практике и догматике. В-третьих, несмотря на религиозные, культурные и языковые отличия от таджиков, население ГБАО было официально записано «таджиками» и рассматривалось как «этнографические группы» в составе таджикской нации, местные языки не имели официального статуса, а многие выходцы из ГБАО действительно легко ассимилировались в таджикскую среду и считали себя «таджиками». Все указанные обстоятельства имели следствием тот факт, что национальное движение в ГБАО так и не оформилось окончательно, оно всегда имело неполный, противоречивый характер и сложную внутреннюю структуру.

В настоящей статье мы подробно остановимся лишь на одном аспекте процесса формирования национального движения в ГБАО – проблеме политического статуса языков.

На Западном Памире, как и во многих других малодоступных горных регионах с изолированными анклавами населения, сложилось и сохранилось множество локальных языков и диалектов. Считается, что все они восходят к древним восточноиранским языкам, которые существовали в Средней Азии еще в начале I тыс. н.э. [13].

Восточноиранские языки на Памире продолжали изменяться и формироваться в отдельные языковые подгруппы.

Сегодня, согласно общепринятой классификации, в памирскую группу входят шугнанский, баджувский, шахдаринский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский и сарыкольский языки и диалекты, относящиеся к шугнано-рушанской языковой подгруппе, а также отдельные ваханский, ишкашимский и близкий к нему сангличский языки, язгулямский, вымершие ванджский и зебакский языки, последний был распространён на левом берегу р. Пяндж, на Афганском Памире [4].

Исторически все эти языки, хотя и регионально изолированные, всё же взаимодействовали друг с другом и оказывали влияние на культуру памирцев в целом. Так, фарси (таджикский язык) уже со времени активного распространения исмаилизма в XI-XII вв. играл важную роль в религиозной культуре, превратившись в литературный язык, на котором говорили исмаилитское духовенство и местная родовая знать, он выполнял функцию языка межэтнического общения. Миграционный процесс тоже сыграл определённую роль: часть населения была вынуждена уходить на заработки в сопредельные регионы, где фарси был основным языком

общения; возвращаясь домой, трудовые мигранты знали этот язык. Влияние фарси усилилось в XIX в., когда Западный Памир оказался под сильным политическим давлением Бухарского эмирата. Бытование персидского (таджикского) языка среди памирских народов, соседство с таджиками, воздействие последних на экономическую и культурную жизнь привело к тому, что в конце XIX в. ванджцы полностью потеряли свой родной старованджский язык и перешли на таджикский язык.

В начале 1930-х гг. встал вопрос о создании для памирских языков отдельной письменности на латинской графике. Шугнанский язык, как наиболее распространенный среди памирских языков, получил статус письменного и литературного языка [8]. В 1923-1938 гг. на нём в Ленинграде, Ташкенте и Сталинабаде (Душанбе) было издано в общей сложности около 20 книг различного характера и назначения. Однако в середине 1930-х гг. национальная политика СССР претерпела существенные изменения: был взят курс на ускоренное укрепление титульных наций и слияние с ними мелких групп и народностей. В рамках этих изменений в национальной политике СССР были свёрнуты все проекты по развитию языков памирцев. Таджикский язык стал единственным официальным языком, его использовали в делопроизводстве, в печати, на радио и телевидении, изучали в школах.

В целом, языковая политика в Таджикской ССР, как отмечал ученый-лингвист Р. Х. Додихудоев, была направлена на уничтожение памирских языков и нарушала одно из основных прав человека – право обучаться на родном языке. В качестве яркого примера этой политики может послужить факт уничтожения в 1972 г. всех книг на шугнанском языке в фондах государственной публичной библиотеки им. Фирдоуси в Душанбе [3].

Но, несмотря на ограничения, памирские народы сумели сохранить свои родные языки и широко использовали их в своей повседневной жизни.

В ходе политических перемен язык может стать эффективным инструментом этнической мобилизации, как это произошло в конце 1980-х гг. Развал Советского Союза, как отмечает М. Н. Губогло, начался с «мобилизованного лингвизма», благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных [1, с. 14]. Политизация языковых проблем служила средством формирования «национальных движений» и постановки вопроса о «национальном самоопределении».

Вокруг вопроса о статусе памирских языков также консолидировалась интеллигенция и активная часть населения ГБАО. Язык в сознании памирцев тесно связан с идентичностью. Один из информаторов автора статьи говорил об этом так: «Кем я являюсь по национальности: памирцем, таджиком или шугнанцем – это вопрос политики, а то, что мой родной язык – шугнанский, не должно вызывать сомнения ни у кого. Никто не имеет права отнимать у меня родной язык и присваивать взамен другой язык». Всё это объясняет, почему именно вопросы языка оказались в центре внимания в конце 1980-х гг.

Инициаторами публичного обсуждения темы стали ветераны КПСС, ранее работавшие в партийных органах, хозяйственно-административной структуре и в системе образования. От их имени 24 июня 1988 г. в центральных республиканских газетах была опубликована статья «Открытое письмо» [12]. В статье выражалось возмущение тем, что в последнее время все чаще поднимается вопрос об изучении памирских языков, выходе на них периодических изданий, а также тем, что раздаются голоса, будто население ГБАО – не таджики. В распространении подобных «идей» обвинялись представители творческой интеллигенции из других регионов Таджикистана, т.е. не коренные жители области. В письме ветеранов памирские языки были объявлены диалектами таджикского, а также говорилось, что испокон веков на народных праздниках, свадьбах и при проведении других обрядов на Памире звучала исключительно таджикская речь, а не местные диалекты. В конце письма они просили Центральный Комитет Компартии «поставить прочный заслон нездоровым суждениям среди научных работников и творческой интеллигенции всеми средствами политического и идеологического воздействия».

Позже к этому мнению присоединился известный партийный деятель М. Раджабеков, имевший непосредственное отношение к дискуссиям 1930-х гг. о статусе памирских языков. Он писал, в частности, что был одним из тех, кто выступал тогда против создания алфавита и введения обучения на шугнанском языке. Занимаемая М. Раджабековым позиция выглядела двойственной. С одной стороны, он опровергал мнение своих соратников, что памирские языки являются диалектами таджикского, с другой, – считал памирцев таджиками. Но, в конечном счете, он всё-таки выступил против изучения памирских языков в школах и издания на них литературы, советуя, однако, обратить внимание на научные исследования проблемы [14].

Оба письма, безусловно, были инспирированы центральными органами Таджикской ССР, которые стремились прекратить дискуссию о памирских языках руками самих памирцев, используя для этой цели имена уважаемых людей. В свою очередь, памирская элита, в том числе руководство ГБАО, вынуждена была считаться с настроениями в обществе и одновременно пыталась использовать их, в том числе, вопрос о языке, для поднятия административного и политического статуса области. В январе 1989 г., по инициативе областного партийного комитета, в Хороге был организован круглый стол на тему «Язык и развитие культуры» с участием руководителей области, работников культуры и образования, основное внимание на котором было сосредоточено на вопросе, нужно ли изучать памирские языки в школе. Из 21 присутствовавших только трое категорически выступили против этого, остальные предлагали различные варианты введения таких уроков в школьную программу. Было также отмечено, что «в последние дни раздаются голоса, будто памирцы не являются таджиками» [19].

Вопрос о памирских языках приобрёл легитимные основания, в том числе и потому, что в конце 1980-х гг. все союзные и автономные республики СССР подняли аналогичную тему, добиваясь новых прав и привилегий. В 1989 г. в Таджикской ССР был принят «Закон о языке», согласно которому таджикский получал статус государственного языка, а русский – языка межнационального общения [11]. В том же законе в статье 3 было сказано, что «Таджикская ССР создает условия для свободного развития и использования горно-бадахшанских (памирских) языков и сохранения ягнобского языка. Горно-Бадахшанская автономная область самостоятельно решает вопросы функционирования местных языков».

В этой связи, 23 декабря 1989 г. Исполнительным комитетом Совета народных депутатов ГБАО была организована специальная областная комиссия, в состав которой вошли руководители местных администраций, учёные-памироведы, а также представители от каждого из языковых сообществ. Много споров вызвал вопрос об алфавитах, предлагались различные варианты его основы – латиница, арабская графика или кириллица, – которые отражали и различные культурные и политические пристрастия членов комиссии: ориентация на Европу и светскую Турцию в одном случае, на Иран и арабские страны – во втором, и на Россию – в третьем. В результате, остановились на кириллице [16].

Еще одним вопросом, вызвавшим широкую дискуссию, было введение в школах обучения на памирских языках. По одному из предложений, в начальных классах преподавание всех дисциплин должно было вестись на родном языке с постепенным включением таджикского, а затем – русского, с пятого класса обучение должно было полностью перейти на таджикский язык, а родной стать отдельным предметом [2]. Заметим, что памирцы никогда не ставили вопроса о полном отказе от таджикского, а лишь о расширении сферы использования местных языков и их государственной поддержке. Кроме того, таджикский (фарси) всегда был для них языком письменной и религиозной культуры.

Публичное обсуждение проблемы памирских языков и рост общественного интереса к ним создали благоприятную почву для возрождения и развития памироязычной художественной литературы. В октябре 1990 г. вышел первый номер новой ежесемейной газеты «Фарханги Бадахшон» («Культура Бадахшана»). Сначала она выходила как художественно-литературное приложение к областной партийной газете «Бадахшони Совети», а с сентября 1991 г. превратилась в независимое издание, позиционирующее себя как «свободную трибуну бадахшанского народа». В ней на всех памирских и на таджикском языках публиковалось творчество памироязычных поэтов и писателей, образцы фольклора, освещались исторические события и жизнь известных личностей в истории Памира. Появление такого издания вызывало огромный резонанс и сыграло большую роль в возрождении и развитии памироязычной художественной литературы. Газета, по словам шугнаноязычного поэта А. Мирходжа, «стала школой ликвидации безграмотности для носителей памирских языков, благодаря которой, они, по мере возможности, начали читать и писать на своём родном языке» [17].

В том же году вышел в свет сборник песен «Хирцрах» («Заря») на шугнанском и рушанском языках. Одним из поэтов-шугнанцев, определивших развитие памироязычной поэзии, считается Алидоншо Шораматхуллоев, известный под псевдонимом Лидуш. А. Шораматхуллоев разработал свой вариант алфавита шугнанского языка, за то, что он исполнял свои стихи под гитару, его называли еще «памирским Высоцким». В 1991 г. в Хороге был опубликован сборник его стихов «Дарета тизд» («Течёт река»).

В 1990 г. было положено начало и памирскому театру. Первым шагом в этом направлении стала постановка на сцене Хорогского театра музыкальной драмы и комедии имени М. Назарова пьесы шугнаноязычного поэта Ато Мирходжа «Золотой кишлак» по сюжету одноименной поэмы Мирсаида Миршакара, писавшего на таджикском языке и многие годы бывшего одним из руководителей Союза писателей Таджикской ССР. В другой пьесе Ато Мирходжа «Барзуи Шугнони» («Барзу Шугнанский») диалоги героев также звучали на шугнанском. Позже одна из его пьес «Караван счастья» была переведена еще и на рушанский и поставлена на сцене Рушанского районного дома культуры. Последним показом на шугнанском языке в областном театре стал спектакль «Слуга двух господ» по К. Гольдони, вышедший в 2000 г.

За несколько лет (с 1989 по 1991 гг.), несмотря на непрекращающиеся дискуссии о статусе памирских языков, их значение, безусловно, возросло, социальные и коммуникативные функции расширились. Seriously продвинулись вперёд процессы их публичного использования, создания письменности и разработки методик обучения.

После обретения Таджикистаном независимости, ситуация с памирскими языками развивалась в том же русле. В 1992 г. в Хороге в книге профессора Д. Карамшоева «Алифбои фаврии забонҳои помири» («Временный алфавит памирских языков с литературными образцами») были опубликованы все алфавиты для памирских языков, а также отрывки из произведений памироязычных поэтов [7]. В 1996 г. республиканское издательство выпустило «Алифбои забони шугнони» («Букварь шугнанского языка»).

Однако в годы гражданской войны, в связи резким ухудшением условий жизни в целом, вопрос о памирских языках оказался далеко не на первом месте по степени важности. Руководство ГБАО не слишком последовательно занималось реализацией программы по развитию памирских языков. Не были выделены необходимые средства для изготовления и приобретения согласованных кириллических шрифтов, а использование вместо них для передачи некоторых звуков латинизированных и дискретных знаков создавало путаницу. Преподавание местных языков в школах так и не было введено, как из-за недостатка учебников и подготовленных кадров, так и из-за отсутствия достаточной мотивации для их изучения. Большинство родителей

и самих школьников, в соответствии с бытующей на Памире расхожей фразой «Памирские языки нужны только до Хорогского аэропорта», считали, что знание родных языков не способствует социальному продвижению и карьерному росту.

В разной степени учитывались интересы всех этнических групп, что было ещё одним недостатком языковой политики в ГБАО. Наблюдалось заметное расширение общественных функций, главным образом, шугнанского языка, именно на нём велось вещание на областном телевидении, иногда он использовался и во время официальных мероприятий. Такая односторонняя тенденция вызывала опасение у носителей других памирских языков.

Окончание гражданской войны в Таджикистане и постепенное установление политического контроля центральной власти в ГБАО привели к свёртыванию всех достигнутых результатов в языковой сфере. В регионе стал использоваться государственный таджикский язык, а памирские языки оказались полностью исключены из официального употребления и СМИ.

В 2009 г. в Таджикистане был принят новый закон «О государственном языке Республики Таджикистан», в статье 4 которого говорится, что «Республика Таджикистан создаёт условия для свободного применения, охраны и развития бадахшанских языков (памирских языков) и ягнобского языка» [10, с. 546].

Однако законодательные меры по поддержке памирских языков и определению сферы их использования не предусмотрены. Это отметил даже лидер Партии исламского возрождения Таджикистана М. Кабири, заявивший, что «хотя о памирских и ягнобском языках упоминается в законе, но для их сохранения и развития необходимо внедрять ещё более важные механизмы. Ведь они для нас не только языки, но, буквально, и национальный музей» [6].

Тем не менее, само наличие в законе специальной статьи о памирских (бадахшанских) языках, свидетельствует о признании властью как существования самих языков, так и проблемы их сохранения, т.е. вопрос остаётся легитимным, варианты его решения продолжают предлагать сами жители Памира, учёные, международные организации.

Памирские языки вошли в составленную ЮНЕСКО «Красную книгу исчезающих языков мира» [5]. Особенно критично положение ишкашимского языка: в афганском Ишкашине он почти вышел из употребления, а в таджикской части Бадахшана на нём разговаривают всего чуть более 1000 человек [9, с. 115]. В октябре 2009 г. в Хороге под эгидой Фонда исчезающих языков¹, совместно с Академией наук Таджикистана, Хорогским Институтом гуманитарных наук и Лондонским Институтом исмаилитских исследований состоялась научная конференция, посвящённая проблеме сохранения памирских языков. Участники конференции обратились к правительству Таджикистана с призывом о создании алфавитов ягнобского и памирских языков, подготовке школьных учителей, разработке учебников и включении уроков ягнобского и памирских языков в программу начальных классов [15].

Памирская общественность продолжает попытки сохранения памирских языков даже при отсутствии государственной поддержки. Например, в 2009 г. в Душанбе вышла в свет первая художественная книга для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Равшан киссаен» («Рассказы о Равшане») на шугнанском языке. На памирских языках публикуются отдельные материалы в еженедельной газете «Памир», издаваемой в Хороге с начала 2010 г.

Значительная часть памирцев в современном Таджикистане знает помимо своего родного таджикский и ещё шугнанский (или язык другой соседней памирской группы) языки, а также нередко русский и другие иностранные языки. Такое положение дел стало результатом сложной этнической истории местного населения и одновременно оно само является фактором и условием развития и протекания этнических процессов у памирцев в настоящее время.

В ситуации двуязычия (или многоязычия) действуют различные тенденции, и существует некоторая неопределённость в отношении того, что будет происходить дальше с языками. Существует тенденция постепенной замены двуязычия монолингвизмом в пользу неродного языка, так как при двуязычии малых народностей второй язык, как правило, является функционально более развитым и активным, особенно у народностей, у которых отсутствует письменность и государственное обучение на родном языке. Для большинства памирцев, проживающих в Таджикистане, основным языком может стать и становится таджикский, для памирцев, живущих в России, – русский и т.д. Можно уже сегодня наблюдать процесс оскудения словарного состава памирских языков, страдает структура речи, образность, на грани исчезновения оказываются отвлечённые понятия, которые заменяются аналогами из других языков. Активно культивируемое предпочтение таджикскому языку как государственному языку провоцирует явное принижение, а в ряде случаев, и игнорирование социальной значимости и роли родных памирских языков. Дело доходит до того, что даже на свадьбах люди, особенно молодежь, перестали выступать на родном языке.

Однако переход от двуязычия к монолингвизму связан с целым рядом трудностей и барьеров. Компактное и даже изолированное проживание памирцев препятствует быстрому проникновению других языков в повседневный и семейный быт, в котором продолжают доминировать местные языки. Памирские дети, приступая в начальной школе к изучению таджикского языка, практически не владеют им. Новый язык усваивается как

¹ Фонд исчезающих языков создан в 1996 г. в Англии. Его цель – поддержка и помощь в документировании, защите и содействии в сохранении исчезающих языков всего мира.

нечто чуждое, внешне механически навязанное. В результате, школьники с огромным трудом получают навыки правильной орфографии и произношения звуков. Преподавание на неродном языке остальных школьных предметов приводит к отставанию и в овладении другими знаниями. Специалисты доказывают, что введение в начальной школе преподавания на местных языках позволит детям проявить большую гибкость в познавательных операциях. В этом убеждены и многие памирские преподаватели, которые считают, что на родном языке они смогут лучше донести до учащихся правила таджикского, русского и других языков.

Другое препятствие для быстрого перехода к монолингвизму связано с тем, что язык имеет два важнейших аспекта – инструментальный и символический, которые определяют динамику языковых отношений в многоэтнической среде. С одной стороны, язык – это инструмент общения и коммуникации, облегчающий взаимодействие между людьми, а также инструмент социального продвижения. Язык также служит инструментом передачи информации (знаний, ценностей и пр.) в устном и письменном виде от одних поколений к другим. В этом плане ценность языка определяется, таким образом, его коммуникативными и социальными функциями. С другой стороны, язык – это символ этнической и культурной идентичности, это эмоционально окрашенная коллективная ценность. Язык для индивидуума может являться не просто инструментом общения, но символом и средством, который связывает его с некой общностью – этническим коллективом, дает ему ощущение культурной и этнической идентичности. Однако заметим, что проблема исчезновения памирских языков связана не только с политикой руководства Таджикистана, которое стремится к ассимиляции памирцев в составе единой таджикской нации. Памирские языки оказались в сложном положении, в том числе, и благодаря процессам глобализации, ведущим к распространению массовой культуры и нивелировке этнических различий. Этот факт усугубляется бедностью региона, что вынуждает памирцев мигрировать в другие области Таджикистана или за пределы страны и, соответственно, переходить на другие языки общения.

Заканчивая статью, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что, как и во многих других республиках и регионах бывшего СССР, Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР пережила на рубеже 1980-1990-х гг. процесс роста общественного запроса и интереса к теме поддержки и возрождения памирских языков. Этот процесс постепенно набирал силу и политизировался, превращаясь из культурных лозунгов в политические требования. Однако, в отличие от других примеров, такое превращение оказалось неполным и незавершённым, проблемы сначала оставались «в замороженном состоянии», а затем, по мере укрепления центральной власти в Таджикистане, вернулись к тому же положению, в котором они существовали в советское время. Среди причин именно такого развития ситуации можно назвать, с одной стороны, отсутствие в ГБАО и у местной элиты достаточных материальных и людских ресурсов для того, чтобы подкрепить свои требования и вынудить центральную власть прислушаться к ним, а с другой – противоречивый характер самой проблемы, неоднозначность роли местных языков и их функциональной пользы для населения, а также внутренняя раздробленность памирского общества на более мелкие сообщества со своими идентичностями и интересами.

Список литературы

1. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.
2. Джамшедов П. Памирские языки и некоторые вопросы просвещения // Русский язык в СССР. 1991. № 9. С. 7-8.
3. Додихудоев Р. Х. Языковая политика и языковое строительство в Таджикистане // Русский язык в СССР. 1991. № 9. С. 5-7.
4. Додыхудоева Л. Р. Памирские языки // Иранские языки. М., 2000. III. Восточноиранские языки. С. 170-174.
5. Додыхудоева Л. Р. Этнолингвистический словарь: «дом», «жилье», «хозяйство» // Малые языки и традиции: существование на грани. М., 2005. Вып. 1. С. 211-249.
6. Закон о языке: 20 лет спустя // Азия-плюс. 2009. 23 октября.
7. Карамшоев Д. Временный алфавит памирских языков с литературными образцами. Хорог, 1992.
8. Карамшоев Д. Полемика о Памире // Памир. Душанбе, 1991. С. 100-117.
9. Лашкарбеков Б. К. Этнолингвистическая история ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша // Памирская экспедиция: статьи и материалы полевых исследований. М., 2006.
10. О государственном языке Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 9-10.
11. О языке Таджикской ССР: закон Таджикской Советской Социалистической Республики // Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
12. Открытое письмо // Точикистони Совети. 1988. 24 июня.
13. Пахалина Т. Н. Памирские языки. М., 1969.
14. Раджабеков М. Нужна консолидация // Памир. 1989. № 5. С. 143-146.
15. Резолюция XII конференции Фонда исчезающих языков [Электронный ресурс]. URL: www.ogmios.org/conferences/2009./resolution.htm (дата обращения: 26.09.2009).
16. Решение Президиума Совета Народных Депутатов ГБАО об утверждении алфавита памирских языков // Бадахшони Совети. 1991. 21 ноября.
17. Фарханги Бадахшон. 1991. № 8.
18. Язык и развитие культуры // Бадахшони Совети. 1989. 26 января.

PAMIRI LANGUAGES DEVELOPMENT AND PRESERVATION PROBLEMS IN MODERN TAJIKISTAN**Munirsho Mullomamadovich Khudoerov***Centre of Asian and Pacific Researches**Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklouho-Maclay**Russian Academy of Sciences**chashma@yandex.ru*

The author analyzes the problem of the preservation and development of Pamiri languages which still don't have written variants and are deprived of social function, tells about their role in the process of the ethnic mobilization of the population of Gorno-Badakhshan Autonomous Region at the turn of the 1980s-1990s, tackles the normative documents of Tajikistan about languages and considers the plans of the Pamiri languages revival and the political conditions which determine the ways of solving the designated problem.

Key words and phrases: ethnic revival; national movement; language policy; Pamiri languages; Pamir; Tajikistan; bilingualism; poly-lingualism.

УДК 94(57)

Автор рассматривает документы, на основании которых в начале 1930-х годов в Восточной Сибири проводилось раскулачивание. Проанализирован порядок разделения кулаков на три категории. Выявлены особенности проведения раскулачивания в данном регионе. Охарактеризованы условия содержания кулаков на пересыльных пунктах, в исправительно-трудовых учреждениях и на местах вселения, процесс организации переселения.

Ключевые слова и фразы: раскулачивание; расселение кулаков; Восточная Сибирь; положение раскулаченных.

Любовь Сергеевна Цубикова, к.и.н.*Кафедра общинженерной подготовки**Иркутский государственный технический университет (филиал) в г. Усолье-Сибирское**lkor11@rambler.ru***РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. ©**

Изучение истории раскулачивания в конце XX в. – начале XXI в. стало одним из приоритетных направлений в отечественной историографии. На сегодняшний день имеющиеся труды носят как общероссийский характер [11-13; 16], так и региональный [10; 14; 15; 18]. Вместе с тем, вопросы раскулачивания и выселения крестьян в крупнейшем регионе – Восточной Сибири – остаются слабо изученными.

Основным документом по «ликвидации кулачества» и массовым депортациям стало секретное постановление ЦК от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств по районам сплошной коллективизации», а конкретные меры по организации депортаций рассматривались в секретной инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества». Аналогичные нормативно-правовые акты принимались на местах. В Восточной Сибири к «ликвидации кулачества» приступили на основании секретного постановления крайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса» [9, д. 112, л. 8-11]. По данным документам все кулачество было разделено на три категории, к каждой из них применялись определенные санкции. Нужно отметить, что в печати был опубликован сокращенный вариант постановления Сибкрайкома о раскулачивании. Так, в газете «Власть труда» он появился 16 февраля. В нем предусматривалось деление кулака только на две группы: «первая» – «кулацкий актив наиболее богатых кулаков, которые подлежат высылке в отдаленные местности» и «вторая» – «все остальные кулацкие хозяйства, оставленные в пределах районов данного округа и расселяемые на новых, отведенных им в пределах колхозах участках» [1]. Таким образом, о действительной «первой категории», к которой применялась наиболее жесткая форма репрессии, ничего официально не было сказано.

«Первая категория» – «контрреволюционный кулацкий актив», который нужно «ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии» [9, д. 112, л. 9]. Дела на лиц, входящих в «первую категорию», рассматривались во внесудебном порядке тройками ПП ОГПУ совместно с представителями от Крайкома ВКП(б) и Прокуратуры. Постановления тройки ПП ОГПУ о конфискации имущества и выселении семей осужденных оформлялись через